

РЕЦЕНЗИИ**Е.Е. Дутчак**

**«ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ ДЛЯ СЕРДЦА И УМА»:
КАКОЙ МОЖЕТ И ДОЛЖНА БЫТЬ УЧЕБНАЯ КНИГА ПО ИСТОРИИ
(СОЛОВЬЕВ В.М. ТАЙНЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ.
М.: ОНИКС, 2007. 512 с.; СОЛОВЬЕВ В.М. ТАЙНЫ
МОСКОВСКОЙ РУСИ. М.: ОНИКС, 2007. 543 с.)**

Резкое снижение образовательного и культурного уровня современных абитуриентов сегодня стало объективной реальностью. Это ставит университетских преподавателей-историков перед решением принципиально новой задачи – как научить вчерашнего школьника, плохо владеющего терминологией обществознания, с трудом осваивающего даже учебный минимум исследовательской литературы, правилам исторического анализа. Пока попытки выйти из «заколдованного круга» невежества аудитории, в сущности, сводятся к вынужденному упрощению учебных программ, хотя уже сейчас понятно, что в рамках классического университетского образования оно может и должно иметь пределы.

Причины сложившегося положения очевидны и обсуждались многократно. В школьном образовании как в капле воды отразились все настроения и кризисы российской современности – социальные и мировоззренческие. Это еще раз свидетельствует о том, что образовательный процесс не остается имманентно детерминированным. Он зависит от характеристик общества, от избираемой им стратегии развития и методов ее реализации. Вероятно, только в идеале возможно совмещение в институте образования целей разного уровня – от трансляции культуры и знаний до обеспечения молодому поколению условий для личностного роста и социализации. На практике – общество всегда оказывается перед выбором: отдать приоритет коллективистским или индивидуалистическим ценностям. Иными словами, использовать институт образования для интеграции нации или рассматривать его, прежде всего, как способ приобретения человеком желаемого социального статуса. Именно этот выбор определяет содержание учебной литературы по истории в некоторый момент времени.

Состоявшиеся несколько лет назад дискуссии о том, каким следует быть вузовскому и школьному учебнику по истории, определили их главное предназначение и направленность – формирование гражданской позиции на основе знания достоверных, идеологически не искаженных фактов [1–2]. Исследования, проведенные на базе исторического факультета Томского государственного университета в 2001 и 2008 гг., позволяют утверждать, что в целом она достигнута. Современный студент патриотичен и лоялен, он все меньше склонен мифологизировать прошлое страны и, в отличие от старше-

го поколения россиян, оценивает ее историческое развитие в терминах прогресса [3].

Обнадеживает и трансформация ценностных установок, происшедшая за последнее десятилетие. По оценкам социологов, российское общество эпохи «перестройки» отличалось подавленными импульсами личного достижения и одновременно сложными теневыми структурами стратификации. Носители знания, культуры и просвещения не воспринимались в качестве обладающих чем-то особенным, и условием для карьеры считалось не образование как таковое, а «корочки» – диплом. Сегодня ситуация изменилась кардинально. В частности, для 70% опрошенных в 2008 г. студентов цели получения образования выстраиваются в показательный смысловой ряд «высокая общая культура – диплом – польза обществу».

Несомненно, образ эрудированного специалиста становится все более авторитетным и престижным в глазах молодежи. Особо подчеркнем, что это мнение распространяется и на область классического гуманитарного знания. Так, в 2001 г. четверть опрошенных назвали свой выбор исторического факультета случайным; в 2008 г. – таковых оказалось 10% от общего числа респондентов. Но тогда встает вопрос: если гуманитарное образование стало важной составляющей будущего жизненного успеха, то почему так интеллектуально беспомощен сегодняшний абитуриент?

Здесь, по-видимому, проявляет себя целый ряд тенденций, присущих современной молодежной субкультуре. В суммарном виде они обозначаются термином «клиповое сознание» и характеризуют тип мышления, не испытывающий потребности в нахождении связи между протекающими в макро- и микромире процессами и их результатами. В известной мере, для такого типа мировосприятия ЕГЭ и есть адекватная форма проверки знаний, но дальнейшее существование школьного гуманитарного образования в форме теста чревато серьезными культурными деформациями. Неумение обобщать отдельные явления, видеть многослойность и альтернативность исторического пространства, в конечном счете, ведет к непониманию социальной реальности и подмене ее анализа примитивной идеологической схемой. Представляется, что коррекция отмеченных тенденций возможна при одном условии – если современная образовательная парадигма введет в число своих приоритетов обучение навыкам системного мышления [4. С. 25]. В свою очередь, это ставит вопрос о книгах по истории, изложение которых учитывало бы особенности восприятия информации сегодняшним школьником, а содержание учило объяснять конкретное событие в рамках причинно-следственной логики и с помощью понятийного аппарата обществознания.

Отрадно, что такие книги уже есть. Это книги доктора исторических наук В.М. Соловьева «Тайны Древней Руси» и «Тайны Московской Руси» (М.: Оникс, 2007). «Детективная интонация», заключенная в названиях, сразу настраивает на занимательное чтение, но уже с первых страниц любопытство уступает место осознанному интересу. Книги написаны ярким, образным и понятным читателю любого возраста и уровня подготовленности языком, и этим их достоинства не исчерпываются. Прежде всего, взгляд историка-русиста отметит целостность, с которой представлена жизнь средневековой

Руси. Специалистам хорошо известно, что число достоверных свидетельств по истории периода мизерно и способно осветить, главным образом, область политики. Потому повествование о сменах династий, конфликтах и войнах, в силу объективных причин изученных лучше, «господствует» в научно-популярной и учебной литературе. Тем самым вольно или неволью формируется представление о том, что именно этими «травматическими» по своей природе событиями определялась повседневность человека и социума. Очевидно, что такое искусственное доминирование при современном уровне развития гуманитарных наук вряд ли можно считать нормальным.

В.М. Соловьеву удается показать, что историческое пространство неоднородно и его разные сферы – экономика, политика или культура – обладают разной скоростью развития. Безусловно, эта мысль не нова. Еще Ф. Броделем на западноевропейском материале с математической точностью показано, что даты политической истории ровным счетом ничего не значат для истории экономической или экологической. Однако совсем немного найдется книг для школьников, где рассказ о специфических признаках натурального хозяйства становится началом разговора о традиционном типе цивилизации вообще, ее ценностях и поведенческих нормах. В итоге, перед читателем открывается панорама жизни эпохи и ему становится понятным, с какой целью и на каком основании действовал средневековый дружинник, крестьянин, ремесленник или монах.

В таком контексте история средневековых корпораций оказывается самостоятельной, но не обособленной частью исторического повествования. Тем самым достигается системное сочетание причинно-следственных и логико-смысловых связей. С помощью первых обобщается множество явлений – работа и праздник крестьянской общины, технологии строительства дома и изготовления оружия, рацион питания, значения слов «ушкуйник» и «кремль», отличия подсечного земледелия от пашенного, а княжеского строя от вечевого и т.д. С помощью вторых в значительной мере преодолевается гипотетический характер этих обобщений и события наделяются смыслом – социальным, культурным, экономическим или политическим. Последний, в свою очередь, становится для автора возможностью подспудно, как бы невзначай, затронуть вопрос о конструировании национального самосознания и общественных функциях исторического исследования.

Для исторического дискурса всегда было и будет характерно пересечение собственно науки с идеологией, политическими предпочтениями и нравственно-этической проблематикой. Результат этого может быть двояким: как формирование патриотизма, так и сознательное или невольное мифотворчество.

Известно, что в русский лексикон понятие «патриотизм» вошло лишь в XVIII столетии. Тогда оно было скорее инструментом, с помощью которого человек Нового времени распознавал и оценивал «свое» и «чужое», чем осознанным представлением об обязанностях по отношению к своей стране. Но и то время, и сейчас за патриотическим чувством закреплялось и закрепляется способность создавать позитивный эмоциональный настрой. К концу XX в., когда очевидным последствием глобализации выступило нивелирова-

ние национальных особенностей, на Западе его формирование стало осуществляться с помощью клиентерапевтических пиаир-программ. Их технология базируется на – не провозглашенном открыто – принципе наличия двух историй: одна – настоящая, профессиональная, другая для обывателей – отлаженная, со сбалансированным перечнем достоинств и недостатков [5].

Интерес к теме «лечения историей» в отечественной публицистике на рубеже XX–XXI вв. был связан не столько с глобализационным стрессом, сколько с дискуссией о возможностях подготовки свободного от чьих-либо оценок школьного/вузовского учебника. Особую остроту полемике придавал реальный исторический контекст. Поэтому вопрос об идеологической компоненте – естественный для курсов по национальной истории во всем мире – в русской потестарной и научной традиции воспринимался крайне болезненно и нередко в черно-белом формате – в политической сфере виделась либо панацея от всего, либо угроза всему. Участие в обсуждении гуманитариев-профессионалов позволило перевести дискуссию в иную плоскость: что есть идеология – способ легитимации существующего политического порядка или средство консолидации общества [6]. В результате был предложен дифференцированный подход к определению сущности и функций идеологии: ее тотальный вариант, действующий на уровне общества в целом, призван решать задачи интеграции; а групповые, выражающие ценности и идеалы социальных корпораций, служить своеобразным противовесом от государственного диктата.

В книгах В.М. Соловьева не говорится прямо об этой полемике, но ее итоги присутствуют на их страницах со всей очевидностью. Так, на материалах XVII столетия – на примере Смутного времени – он объясняет своим читателям, что главная опасность для общества возникает лишь тогда, когда узкогрупповая идеология объявляется национальной и, используя силовые методы, начинает уничтожать все остальные. Причем это объяснение сопровождается показом, как «работать с терминами», и, в частности, разбирается пригодность для описания событий начала XVII в. понятия «гражданская война».

Особо ценным в книгах В.М. Соловьева является отношение к историческому мифу как важной части национальной саморефлексии. Безусловно, историческая память нуждается в мифах-объяснениях. «Если бы Рюрика, приплывшего «из-за моря», не существовало, – пишет В.М. Соловьев, – его бы пришлось придумать, потому что таким образом обосновывалась независимость Киева от Царьграда, отсекались претензии Византии установить свое господство над Русью» [7. С. 50]. Однако стоит ли взращивать патриотизм на мифах? В книгах и здесь нет прямого ответа на вопрос, но изложенная в них история возвышения Москвы и рассказ о национальном героическом эпосе позволяют читателю понять не только гражданскую позицию автора, но и лабораторию историка-ученого.

В.М. Соловьев предельно уважительно относится к народным представлениям о своих героях. Сформированные на основе народного православия, сложного по генезису и составу, они становятся фундаментом национального самосознания и самоуважения. В то же время использование их в идеоло-

гических целях, для целенаправленного конструирования «сверху» из московских князей национальных героев, по его мнению, чревато серьезными искажениями исторического прошлого. На примере «московского мифа» – истории возвышения города и причин его лидерства в объединении русских земель – им показано сложное сочетание объективных процессов (включая перемены в хозяйственном укладе северо-восточных территорий золотоордынского улуса) с представлениями людей XIII–XV столетий о приемлемых способах достижения личного и общественного результата. Далеко не всегда, что тоже показано В.М. Соловьевым, они соответствовали современным представлениям о ценности человеческой жизни, но даже это не дает историку права искажать или модернизировать прошлое.

«Таковы факты, и нет нужды их облагораживать или приукрашивать» – эта формула и становится лейтмотивом рассуждений В.М. Соловьева о «пользе» переописания истории и о том, что идея гуманизма есть важнейшее достижение человеческой цивилизации, к которому она шла долго и трудно.

Несомненным достоинством книг В.М. Соловьева является не только восстановление в своих правах социокультурной «части» ушедшей реальности. Не менее значимым, на наш взгляд, становится подспудно (!) присутствующее в них объяснение техники работы историка с «информационными осколками» прошлого. В сущности, его книги и направлены против имеющего место негативного отношения к историческому исследованию. Причины его складывания заключены не только в том, что история более всех гуманитарных дисциплин подвержена влиянию политической конъюнктуры. «Продукция» историка обладает общим свойством всех ретроспективных реконструкций – они, всегда имеющие дело с известным результатом когда-то случившегося, сами программируют отбор и осмысление фактов как связанных друг с другом, чем и превращают хаотичное прошлое в некоторую последовательность событий [8]. Эта особенность служит поводом как для критики, так и для ожиданий от историка социально значимого знания о происходящем.

Традиция искать в науке лишь прямую практическую пользу берет начало, по-видимому, еще с эпохи Петра I – времени зарождения российской академической науки. Так, Я.В. Брюсу, курировавшему в петровское время образование, принадлежат симптоматичные метафоры по поводу бесполезности отвлеченных научных изысканий: теория – это пушки, которые не вывозятся на поле боя, или корабли, гниющие в гавани. Президент Академии наук в елизаветинскую эпоху граф К.Г. Разумовский писал в Сенат о том, что за заявлением некоторых академиков о том, что «науки не терпят принуждения, а любят свободу», стоит желание поменьше работать и получать больше денег. За этими высказываниями – представления о науке как о ремесле, а ремесленнику можно и нужно задавать качество и ассортимент продукции.

Как ни парадоксально, но в этом смысле мало что изменилось с XVIII в. Власть и общество продолжают сомневаться в возможности свободного гуманитарного научного поиска, объективности получаемого результата. И книги В.М. Соловьева есть еще одна попытка реабилитировать историческое

исследование в глазах общественного мнения. Он, обращаясь к разным сюжетам, вновь и вновь привлекает внимание читателя к тому, что лежащая в основе исторического построения информация проходит многоступенчатую экспертизу и обязательно должна совпадать в двух или нескольких независимых друг от друга источниках. Совпадение и соответствие факта установленным, объективным законам социального развития и выступает необходимым условием для признания создаваемой историком реконструкции достоверной.

Такие обширные экскурсы в теорию и методiku исторического исследования в книгах, посвященных совсем другим вопросам, на наш взгляд, сегодня способны выполнять не только ознакомительные задачи. Переориентация школьного исторического образования, в ходе которой «на смену традиционному воспроизводству педагогом и учащимися «готовой» картины прошлого все чаще приходит организация обучения, направленная на создание таких картин силами участников образовательного процесса» [9. С. 156], при всех очевидных достоинствах имеет вполне ощутимые недостатки. Прежде всего потому, что самостоятельные рефлексии школьника на исторические темы предполагают элементарное знание предмета. В противном случае их поощрение создает благодатную почву для дилетантизма и девальвации в массовом сознании труда историка-профессионала. Равным образом и воспитанное в таком формате чувство патриотизма скорее станет удобным строительным материалом для любого рода политических технологий, чем фундаментом осознанной гражданской позиции.

В этом смысле книги В.М. Соловьева – богатые в содержательном плане и формирующие бережное отношение к установленному историческому факту могут стать серьезным подспорьем для учителя, поскольку как раз на их основе и можно ставить в рамках новых образовательных подходов вопросы об альтернативности исторического процесса, истоках типологического отличия цивилизаций. Книги В.М. Соловьева в данном случае помогут научить устанавливать корреляционные связи и прогнозировать на школьном уроке спектр несостоявшихся возможностей с учетом проходивших научных дискуссий.

О последних следует сказать особо. Для В.М. Соловьева постоянное обращение к научной полемике – норма, а не исключение, что существенно отличает его книги от стандартной учебной литературы. Она, подчиненная определенным правилам и со строго лимитированным объемом, фиксирует линейный процесс развития науки, не ставя вопрос о научных прорывах и революциях. Обращение же к различным научным интерпретациям под силу текстам, во-первых, дополняющим обучение, а, во-вторых, авторским. Сочетание признаков вспомогательности и субъективности делает необязательным принятие изложенной в них точки зрения. В то же время у их авторов есть возможность показать свое видение тех или иных спорных проблем и самостоятельно решать, вводить или нет в свое повествование новые, но пока еще не ставшие общепринятыми научные достижения. И вариантов здесь может быть множество. Единственное требование, которым они должны удовлетворять, вытекает из базовой посылки образования – информацион-

ный комплекс, предлагаемый авторским учебником, должен представлять собой рационально постижимую и согласованную систему.

Целостность историческому повествованию В.М. Соловьева придает не только показ, как постепенно на уровне политики, экономики, культуры общество накапливало интеграционные качества и эволюционировало. История русского Средневековья в его изложении очеловечена: его герои любят и ненавидят, сомневаются или, напротив, действуют быстро и решительно.

Как правило, историки настороженно относятся к ретроспективным психологическим реконструкциям – слишком уж велика опасность при отсутствии так называемых эго-документов приписать человеку прошлого чувства, которые он не испытывал, и мысли, которые ему были не свойственны. Однако представляется, что для издания, адресованного массовому читателю, они необходимы. С их помощью рассказ о прошлом становится познавательным, и увлекательным чтением. Потому так важно, чтобы автором научно-популярного издания был профессиональный историк. Лишь в этом случае есть гарантия, что моделирование ментальных процессов не выйдет за рамки объективности. Историко-психологические реконструкции В.М. Соловьева как раз характеризует стремление представить человека в интерьере своего времени, избежать однозначных оценок его поведения, показав, что каждой исторической эпохе присуща своя манера думать, чувствовать и действовать. В результате, читатель видит, чем и почему отличались, например, Иван Калита, Борис Годунов и Алексей Михайлович Романов.

Вообще, в книгах В.М. Соловьева много действующих лиц – это киевские князья и московские цари, византийские императоры и монгольские ханы, лидеры городских вечевых органов и предводители казачества, фольклорные герои и их реальные прототипы. И рассказ о них для автора становится поводом к тому, чтобы «...лишний раз задуматься о том, как значима роль личности в истории и как скверно, если это личность никакая» [7. С. 252].

Для знакомых с историей русских историко-литературных изданий, адресованных подрастающему поколению, вопрос в такой постановке сразу вызывает знаковую ассоциацию. Еще в конце XVIII в. он решался на страницах журнала «Детское чтение для сердца и ума», издаваемого Н.И. Новиковым и редактируемого Н.М. Карамзиным. Именно в нем впервые с помощью исторических примеров юному читателю объяснялось, что политическая и экономическая выгода не могут считаться благом, если влекут за собой социокультурную деформацию.

«Тайны Древней Руси» и «Тайны Московской Руси» с полным правом можно назвать не только продолжением, но и развитием этой традиции уже с учетом реалий сегодняшнего дня. «Погружение» в историю русского Средневековья для их читателя означает осмысление современности и размышление о том, что такое историческая инерция, почему социальные идеалы обладают свойством относительности и какие нравственные ценности не должны быть подвержены влиянию времени. Вероятно, только на такой основе и возможна сегодня реализация в России гумбольдианской образова-

тельной парадигмы с ее установкой на воспитание разносторонней, толерантной и в то же время критически мыслящей личности.

Литература

1. *Новые концепции российских учебников по истории: Материалы межд. науч. конф.* М., 2001.
2. *Материалы конференции «Отечественная история в вузе: какая история нам нужна?»* // Вестник РУДН. Серия «История России». 2002. № 1. С. 8–90.
3. *Дутчак Е.Е.* «У каждого портного свой взгляд на искусство», или Отечественная история глазами студента-провинциала // Вестник РУДН. Серия «История России». 2002. № 1. С. 79–85.
4. *Керов В.В.* Отечественная история в вузе: какие учебники нам нужны? Системность и другие принципы концепции учебников для студентов неисторических специальностей // Вестник РУДН. Серия «История России». 2002. № 1.
5. *Согрин В.В.* Клиотерапия и историческая реальность: тест на совместимость (размышления над монографией Б.Н. Миронова «Социальная история России периода империи») // Общественные науки и современность. 2002. № 1. С. 144–160.
6. *Материалы круглого стола «Каким быть современному школьному учебнику по истории XX в.»* // Отечественная история. 2002. № 3. С. 3–56.
7. *Соловьев В.М.* Тайны Древней Руси. М., 2007.
8. См. об этом: *Успенский Б.А.* История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема). Ст.1 // Труды по знаковым системам. Тарту, 1988. Т. 22. С. 68–73.
9. *Соколов В.Ю.* О проектировании содержания исторического образования и пользе написания «ненаучных текстов» // Человек – текст – эпоха. Томск, 2006. Вып. 2. С. 156–172.